

WARHAMMER

40,000

A SPACE MARINE BATTLES NOVEL

ARCHITECT OF FATE

EDITED BY
CHRISTIAN DUNN

FEATURING SARAH CAWKWELL, BEN COUNTER,
DARIUS HINKS AND JOHN FRENCH

САНКТУС

Дариус Хинкс

Меня предали, - гудает сержант Хальсер.

- Предали.

- Колус упал! -- ревет по воксу брат

Вольтер. -- Возможно, мертв...Я не уверен.

Они захватили

лазарет. Я отступаю. Какие приказы?

Сержант? -- Его голос прерывается, слова

наполовину

глушит звук канонады. -- Ты там?

Сержант Хальсер?

Хальсер прижимает оружие к голове

пророка и не отвечает. Из теней на него

кричат

пилигримы, но взгляд прикован к паре

абсурдных, бездонных глаз.

Пророк смотрит в ответ.

Хальсер кладет палец на спусковой

крючок.

- Я могу спасти нас обоих, - говорит

пророк. Его голова наклоняется внутри

шарообразного

шлема, надетого на бледную, тонкую шею

и заполненного густой жидкостью.

Раствор

искажает голос, но он пытается изменить свои гласные звуки во что-то человеческое,

тщательно выговаривая каждое слово, словно обращаясь к ребенку. Пророк тычет глинным, перепончатым пальцем в человека в дверном проеме. — Они лгали тебе. Они убили нас обоих.

Они точно знали, что случится. Они всегда знали.

Хальсер следует за его взглядом и к своему ужасу видит, что Гидеон Нилкрафт смеется. Под

черным капюшоном не видно рта, только вибрирующую массу кабелей, но веселье очевидно.

Решимость Хальсера испаряется. Его рука колеблется. Если Нилкрафт знал о происходящем, значит, вся операция была ложью. Хальсер пытается собраться с мыслями. Он пытается

толиться, но стоны брата Вольтера

впились в него, слившись с воплями
пилигримов.

Канонага становится все громче, и вот
уже кажется будто вся долина гудит. Звук
невыносим и

слишком громок для обычных тяжелых
орудий. Вокруг загремели взрывы,
Хальсеру

пришлось стириться с правдой.

Орбитальная бомбардировка уже
началась.

Без защиты Котуса его разум быстро
сдается. Искажение времени достигло
своего пика, и

голоса пилигримов скребут по мыслям,
как клинки по металлу. Он не может
быть уверен что

«сейчас» и что «тогда». Он одновременно
ведет отделение через катакомбы,
вырезает

пилигримов у городских ворот и
подходит к внутреннему храму, но он
знает, что это уже

случилось. Он пристальнее взглядывается в

уродливые глаза пророка, пытаясь
укрепить себя.

- Колүс упал! -- ревет по воксу брат
Вольтер. -- Возможно, тертв...Я не уверен.
Они захватили

лазарет. Я отступаю. Какие приказы?
Сержант?

Хальсер ругается и оглядывается на
дверь. Время разрушается. Он слышал эти
слова и

раньше, но сколько раз?

- Я не позволю тебе жить, - произносит он,
повернувшись к пророку. Металлический
отзвук

усиленного голоса гремит в зале. -- Ты --
терзость.

Пророка склонил раздутую голову и
ухмыльнулся. -- У тебя есть корабль, а у
меня --

предвидение. Облака -- не преграда для
меня. -- Он указывает на Пилкрафта. -- Он
причинил

нам обоим зло. Почему мы должны
принять свою судьбу? Мы -- немногие

избранные. У нас

впереди великий труд. Великие деяния.

Хальсер качает головой, но в его глазах
пылает сомнение. Пристрелить пророка
означает

утереть. Хуже того, это означает
провал. Но какова альтернатива? Как
можно сохранить

такому человеку жизнь после всего, что он
видел?

Пророк касается удлиненными пальцами
силового доспеха Хальсера. Он проводит
ими вокруг

филигранного черепа и прищуривается. --
Зачем ты прибыл в Магренор?
Реликтор?

Комната наклоняется и пол стесняется.
Вражеский огонь приближается. Со
сводчатого

потолка падают куски векового тратора.
Десятиметровые орлы трескаются и
раскалываются, покрывая пол огромными,
слопанными крыльями.

- Узрите непреложную волю Императора! -

вопит Нилкрафт со стороны дверей,
перекрикивая

какофонию. -- Ты нагменный глупец,
сержант Хальсер. Это все твоя вина. Это --
цена,

которую ты платишь за свое низкое,
рабленствующее заблуждение и
неоднократное
использование ксено...

Хальсер затыкает его выстрелом в
голову. Звук разносится по комнате, и
Нилкрафт падает в

фонтане крови. Кабели в его капюшоне
еще несколько секунд дергаются, после чего
он
затихает.

Хальсер поворачивается и снова
прижимает болт-пистолет к шлему
пророка. -- Ты -- мутант.

- А кто ты, Реликтор? -- Стекланный
шлем пророка забрызган кровью
Нилкрафта, но голос

остается дерзким. Он указывает в
сторону сети коридоров, которые ведут из

его тронного

зала. -- Здесь есть оружие. Оружие, которым мы можем воспользоваться. -- Его голос

становится мягче. -- Они лгали тебе, Реликтор. Всем вам. Твоя верность неуместна, разве ты не видишь?

Хальсер морщится, когда агонизирующий хор становится громче: отчаянные запросы брата

Вольтера о приказах, напевы пилигримов, гул земли, грохот орудий. Но хуже шума сомнение.

Как мог Мортмейн обмануть его? Пока вопрос изводит Хальсера, сомнение превращается в

ярость. Даже его самый старый друг не верит в него, не верит в его Орген. Он и его люди

были отправлены на смерть. Возможно, стоит рискнуть и прислушаться к пророку? -- Я

докажу, что ты ошибаешься, Мортмейн, --

ругается он. -- Я заставляю тебя
заплатить.

В то время как его гнев растет, дежавю
становится невыносимым. Слова пророка
кружат по

колнате, становясь громче с каждым
повтором. Неуверенность Хальсера
растет, и в его

голове вспыхивает свет, сливаясь с
кристаллами в стенах и глифами,
вращающимися перед

его визором. В тот момент, когда
сержант покидает орбиту и летит вниз, в
бурю, он видит

корону солнечного света вокруг Улисса,
перцающую как золотая нить.

Глава 1

- Улисс IV. Мир-святых. -- произнес
Пилкрафт благоговейным тоном
верующего. -- До

захвата врагом это было одно из самых
святых мест в галактике. Перед
темными гнями Ереси

Сам Император ступал по его освященной

земле.

Когда они спускаются с небес, изгибы планеты исчезают, скрытый бурлящей массой грозových

фронтов и торнадо. Штурмовой корабль начинает трястись, но сержанта Хальсера отвлекла

необычность бури: слои золотистых испарений поднимаются из бездонных провалов в пелене, покрывающей всю планету. Она выглядит как призрак.

- А облака? -- спросил он.

Пилкрафт понизил свой голос. -- Знаешь, дьявольских грехов, которые приговорили Улисс,

символ его абсолютного разложения. Это колдовство, о котором говорил инквизитор Мортмейн. Буря неестественна, сержант Хальсер. Это самое нечестивое проявление Хаоса.

Облака появились после прибытия Черного Легиона, триста лет назад, и источают мерзость. Они

разумны. Злобны. Метаморфическое

подобие природы. Дешевые чары, созданные, чтобы

скрыть лик врага. И их протяженность растет.

Хальсер выглядит взбешенным гигантом с бычьей шеей. Его плоские черты покраснели и

трясутся, а губы изогнулись в презрительной устешке. Взгляд, который он обращает на

брата-библиария Колуса, заставил бы угрожать обычного человека.

Неустрашимый Колус нахмурился в ответ, его глаза наполняли та же злая ярость.

- Что ты чувствуешь? -- прорычал Хальсер.

Колус пожимает широкими плечами и смотрит на какую-то вещь в ладони правой руки. --

Колдовство, да, либеллус убежден в этом, но в облаках...? -- Он еще больше хмурится, повернувшись к Пилкрафту. -- Я уверен, что слуга инквизитора Мортмейна прав.

Штурмовой корабль снова кренится, когда
его корпус окружила золотая буря.
Сервиторы
носятся вперед-назад, пытаются
утихомирить сигналы тревоги и
мигающие огни.

Хальсер ударил по пульту связи, словно
представив, что это чье-то лицо. --
«Громовай
ястреб-Пять», это «Громовай ястреб-
Четыре». Брат Сильвий, сообщи о своей
позиции.

Раздался взрыв помех, за которым
последовал отрывистый, нечеловеческий
голос. - ...Пять...

Навигационные проблемы...
Неустановленная высота... Сильная
болтанка... - Снова новый

взрыв помех, потом: - Сержант, я не
уверен, что мы можем сохранить нашу...

Связь прервалась, оставив после себя
тонкий визг обратной связи. Хальсер
отключает

устройство и несколько секунд смотрит

на него. Затем он поворачивается к
Пилкрафту.

Турбулентность швырнула того в кресло,
и с тонзурь упал капюшон, обнажив
масляный пучок

кабелей на месте лица. Каждый
закрученный кабель заканчивался
блестящей, с медным

ободом линзой, и когда он поворачивается
к Хальсеру, они фокусируются на нем
серией

стрекочущих щелчков.

- Инквизитор Мортмейн предупредил,
что высадка будет сложной, - говорит
аколит

инквизитора, - но поскольку ваши люди в
точности следуют его совету, они скоро
будут на

поверхности. Планета пронизана
туннелями. Их вырыли тысячи лет назад
монахи, до того как

предались порочной власти Пагубных Сил.
Порча в воздухе, несомненно, не беспокоит
еретиков, но для нас она может означать

смерть или даже хуже того трансмутацию. Мы

должны провести как можно меньше времени на открытом воздухе.

- Мортмейн упоминал о священниках. Он сказал, что они были связаны с первым вторжением.

Пилкрафт кивает. -- Они были сбиты с толку Губительными Силами, а затем вырезаны Черным

Легионом. -- Его голос немного дрожит. -- И к вечному стыду Экклезиархии все это они

навели на себя. За Улсс была ответственна группа настоятелей. Кто еще мог

пристать к планете, по которой когда-то ступал Император? Но их обман привлек

позор на священное братство. Жрецы, оставленные во главе печально известного Скрипторий

Зевксиса, были зачарованы некоторыми артефактами, некими магическими

заклинаниями,

хранимыми со времен Великого
Крестового похода. -- Пилкрафт натянул
капюшон и втянул

оптические кабели. Он выглядит как
улитка, прячущаяся в свою раковину. --
Старая как

Империя история. Начиналось, как
невинное исследование, а закончилось
отвержительным

идолопоклонством. Обреченные
священники собрали самых ужасных и
мерзких преступников

в своих храмах. Они передали их души
Черному Легиону в качестве дара. Видимо
найденное в

скриптории оказалось непосильной ношей
для простой веры монахов. Они стали
творцами

своей несчастной судьбы.

Котус сжимает кулаки и бормочет под
нос. -- И вот мы здесь, следуя по их стопам.

Судороги на лице Хальсера становились
заметнее, пока он старался не повышать

голоса. --

Нас прислал Мортмейн. С чего бы ему так поступать, если он считал, что мы не подходим для этого задания?

Пилкрафт поднял тонкую трость из слоновой кости и указал ею в сторону далекого флота. --

Хотел бы напомнить вам, сержант Хальсер, что мой господин нигде вас не посылал. Он

просто обратил внимание на трагедию утраты такого древнего места в неминутном

Экстерминатусе.

- Он не только это сказал.

Аколит инквизитора пожимает плечами.

- Он не отдавал вам приказ, сержант Хальсер. Он

узнал о ваших эзотерических интересах и по промыслу нашего Досточтимого Императора дал

вам шанс выяснить, возможность изучить скриптории, прежде чем они будут

уничтожены. Вы

здесь по собственному желанию.

Губы Хальсера еще больше кривятся в
ужасающей улыбке. -- Не беспокойся. Я
давно научился

не ждать никаких официальных
одобрений.

Штурмовой корабль закладывает крутой
вираж, и трость Пилкрафта
выскальзывает из руки, ударяется о доспех
Колуса и отскакивает в угол. Пока
корабль пикирует сквозь облака, на

несколько секунд становится темно. В
темноте Хальсер видит пучок глаз
Пилкрафта,

внимательно наблюдающих за ним
изнутри капюшона. Он вспоминает нечто
странное, что

говорил Колус о нем и наклоняется вперед,
чтобы задать вопрос. Затем звук
турбулентности

становится оглушительным, и он
отклоняется назад.

Вопрос забыт.

- Нам нужно найти убежище! -- вопит
Пилкрафт. Он съезживается за могучим
телом Хальсера и

при помощи трости, вбитой в пыль,
пытается удержаться на ногах.

Котус и остальные воины рассыпаются
вокруг сбитого корабля, застыв неподвижно
с

наведенными в сторону бури болтерами.
Их доспехи цвета олова сочетаются с
идущим из

поврежденного корпуса корабля дымом.
Если бы не белые черепа на наплечниках,
они были

бы почти невидимы.

Завороженный видом Хальсер игнорирует
Пилкрафта. Даже его улучшенное зрение
не может

проникнуть сквозь облака, но когда они
проносятся вокруг него, он тельком видит
странный

ландшафт Улисса: парящие скалы,
вырванные из земли силами, которые он
может только

вообразить, и которые сотворили запутанную сеть башен из красноватого камня, почти

неразличимых среди бури. Скалы были так искажены, что стали походить на огромный

коралловый риф, извлеченный из-под земли. Когда облака проносятся между колоннами, они

воют. Хальсеру это напоминает попытку заговорить. Он даже на секунду задерживает

дыхание, пытаясь уловить смысл в звуке; после чего стееется наг своей несерьезностью.

Вспомнив боль в ноге, он посмотрел вниз на рваное отверстие в доспехе. Клетки Паррамана

уже сделали свою работу -- рана покрылась коркой за несколько секунд, но останется еще один

безобразный шрам. Хальсер бормочет молитву благодарности. Каждая рваная линия служит

исключительно напоминанием о его
гордой ноше. Более слабый человек не
пережил бы такую

катастрофическую посадку.

Он наклоняется и вытирает кровь с
поврежденной брони, затем
поворачивается к остальным.

Реликторы по-прежнему осматривают
горизонт на наличие признаков нападения.

У

некоторых такие же ранения, но все
стоит прямо и наготове. Он чувствует
прилив гордости.

Даже после всей лжи и клеветы они не
слопались: такие же непоколебимые как и
он, и

готовые доказать свою значимость,
пуская только себе.

- Как добраться до скрипториев? -
крикнул он, игнорируя стоящую рядом
фигуру в капюшоне.

Пилкрафт возражает от слов
сержанта. После крушения его сильно
трясет. Мантия

разорвана до пят, и когда аколит
смотрит на библиария, его голова
дергается от страха.

Комус кивает в ответ и отстегивает от
силового доспеха книгу. Небольшую, в
кожаном

переплётё на золотых застёжках и
украшенную символами, слишком
причудливыми, чтобы

быть творением человека. Ее можно было
принять за безопасную таинственную
вещицу, но

Хальсер знает правду. Знает, о чем
просит своего старого друга.

Комус размыкает зажимы и
переворачивает обложку, нахмурив брови.

Внутри нет страниц, только стальной
ящик на петлях с циферблатами, рунами
и стеклянным экраном. Библиарий

вставляет кабель в гнездо сбоку
устройства, закрывает глаза и
вздрагивает от боли. Затем он

начинает произносить слова, которые
теряются в звуке ветра.

Когда Пилкрафт смотрит на молящегося
Котуса, его испуганное выражение
превращается в

ухмылку отворачивания. -- Как вы можете
позволять ему пользоваться таким
талисманом? --

спрашивает он, посмотрев на сержанта.

Хальсер не отвечает, но знает, что
вопрос справедлив.

- Согласно либеллусу, Скрипторий
Зевксиса находился в пяти километрах к
северу от этого

места, - голос Котуса напряжен от боли. --

Если я правильно понял текст, буря
забросила

нас не слишком далеко от цели.

- В пяти километрах отсюда? -- закричал
Пилкрафт, снова выглядя испуганным. --
Значит, мы

должны поторопиться. Мы уже провели
слишком много времени над землей. Я
говорил вам --

единственный безопасный путь пересечь
эту планету -- под землей. Мы, прежде

всего, должны

найти туннель.

Хальсер кивнул. -- Как только определим местонахождение корабля брата Сильвия.

Пилкрафт разворачивается, словно от удара. Он кричит еще громче. -- Ваши боевые братья

могут быть разбросаны по всей материке. Они все могут быть мертвы.

Вы не слышали от

них ни слова. -- Он бросает свою трость на пыльную землю. -- Нам немедленно нужно найти

укрытие.

Гнев все время присутствует в глазах сержанта Хальсера, но на мгновение, кажется, что он

вот-вот сорвется. Его огромная челюсть сжата, а голос наполнен неверием. -- Ты приказываешь мне?

На мертвенно-бледном лице Пилкрафта проявляется немого руганца. -- Конечно нет, но вы

пытались связаться со своими людьми и

не получили ответа. -- Он опускает глаза.

- Может

быть, вы решили, что они погибли. Зачем
или игнорировать ваш вызов?

Хальсер бьет по безжизненному ауспику на
поясе. -- С тех пор, как эта буря выплюнула
нас, у

нас нет сигнала. -- Он снова смотрит на
неистовые облака. -- Совсем. Мы огни. --

Сержант

поднимает шлем и надевает его. Когда он
снова говорит, голос превращается в

нечеловеческий рык. -- Но я не брошу своих
людей.

Пилкрафт жалобно сжимается и
прижимает трость к груди. -- Конечно, не
бросите, сержант

Хальсер. Но поймите, если мы сейчас не
скроется под землей, то можем
наткнуться на врага.

Хальсер изучает его через безликий визор
шлема. Затем он поднимает болт-
пистолет и бьет

или по покоренному серому керамиту

назрүдника. -- По правде говоря, Пилкрафт,
я на это
надеюсь.

Глава 2

Утомленный инквизитор Мортмейн
неподвижно сидит в кафедральном соборе,
опустив

голову и наслаждаясь уединением. Даже
здесь - глубоко внутри запутанной сети
монастырей и

башен - нельзя полностью избавиться от
шумов корабля: грохота двигателей,
скрежета

орудийных батарей и гула энергетических
контуров. Но это место ближе всего к
небесам на

борту «Домитуса». Огромные ланцетные
окна охраняют его, заливая собор цветным
светом и

придавая лицу инквизитора бледно-
зеленый оттенок. Мортмейн никогда не
считался

красавцем. Его черты угловаты и суровы,
как у статуй, тянущихся вдоль нефа, но в

грубом, крючковатом носу таится жестокость; под низкими, тяжелыми бровями - целеустремленность, которая выделяет его в переполненной комнате, даже без символа должности, висящего на шее.

Рассматривая окна, Мортмейн осознает, что ему сложно смотреть в глаза повелителя.

Несмотря на перенесенные корабельные кошмары, взгляд Императора не поблек. Витражное

стекло было изготовлено на Терре, бесчисленные столетия назад, но масштаб замысла мастера

не потускнел: великодушный Император смотрит сверху с подсвеченного стекла, по-прежнему

убеждая в Его цели, по-прежнему пылая непоколебимой верой.

Инквизитор морщится и направляет свои мысли за стекло, за собор, даже за пределы «Домитуса». Он представляет флот Санктус, следуя за ним через космос. Сила

Императора, отклоненная от своей цели,
переориентировалась по его команде.
Мортмейн чуть сильнее
кутается в толстый кожаный плащ,
ощутив внезапный холод. Плечи
опускаются, когда он
думает над бременем выбора. В левой
руке он сжимает украшенный
пергаментный свиток,
скрепленный серебряными пряжками и
восковыми печатями чистоты. На нем
печати
губернаторов, ротных командиров,
капитанов и епископов: каждого, кто мог
бы оспорить его
решение. Они называли его Конкордат
Зевксиса, в честь знаменитого скриптория
Улисса, но у
Мортмейна нет иллюзий: это смертный
приговор. Судьба целой планеты в его
руках. Может
быть больше. Он делает глубокий вздох. В
сравнении с такими важными делами,
какое

значение имеет дружба? Не слишком ли он рискует?

Учитивый кашель прерывает мысли. Он поднимает глаза и видит священника в капюшоне,

наблюдающего за ним из дальнего конца нефа.

- Новатор здесь? - Мортмейн не говорил несколько часов и его голос похож на

нерешительное карканье, но акустика собора усиливает слова, отразившиеся от сводчатых

потолков и лепных колонн.

Далекая фигура кивает. -- Мне провести его, инквизитор Мортмейн?

Мортмейн откашливается и встает, откинув назад плащ глиной до пят. Когда луч света падает

на его гравированный нагрудник, вспыхивает серебро. Вокруг центрального знака: буквы J, перекрещенной тремя полосками и увенчанной огнем кроваво-красным камнем, видны

затысловатые узоры.

За пояс Мортмейна засунут черный,
зазубренный кривой нож, и когда
инквизитор встает, то

сжимает рукоятку правой рукой.
Прикосновение черного с выемками
эбонита к коже
успокаивает его.

Он кивает, и сомнение в голосе исчезает. -
Приведите его ко мне.

Священник кланяется и скользит обратно
в тени.

Через несколько минут приближается
человек. Он наклоняется к самому полу и
пятится

серией странных, пошатывающихся
скачков. Мортмейн понял, что он лжет
пол, неистово

вытирая катни, чтобы сбросить обувь
господина.

Должно быть это ван Тол, - думает
Мортмейн, когда появляется другой
человек. Второй

мужчина идет прямо, уверенным шагом и
с расправленными плечами. Он облачен в

безупречную, накрахмаленную военную форму. Каждый сантиметр его высокого, грациозного

тела украшен, а на боку висит инкрустированная сабля с позолоченной рукоятью. Когда

мужчина видит Мортмейна, его воцеленные усы вздрагивают от легкой усмешки. -- Инквизитор,

- протягивает он. -- Я прервал ваши молитвы? Вы должны простить меня. -- Его лицо - полная

противоположность лица Мортмейна: маленькая, срезанная челюсть, мягкая, безукоризненная

кожа и тонкие, почти милые черты.

Мортмейн холодно кланяется и отходит от алтаря, наполнив собор лязгом своих подкованных

железом ботинок о плиты. -- Совсем нет, барон. Я предвкушал нашу новую встречу. -- Когда

инквизитор подходит к своему гостю, то замечает других людей, ожидающих в

полутраке: барон привел свою стражу. Это не дружеский визит, думает он, чуть сильнее сжимая нож.

Барон ван Тол протягивает слабую руку в белой перчатке. Непонятно, ждет ли он пожатия или поцелуя.

Мортмейн крепко пожимает ее. -- Надеюсь, вам погошли покои?

Барон продолжает устехаться. -- Да, погошли. -- Слова сливаются друг с другом, словно он

едва мог найти силы отделить гласные от согласных. Он необыкновенно высок и изучает

инквизитора Мортмейна поверх глинного, орлиного носа; его глаза были полукроткрыты и

полны презрения, как у греющейся на солнце ящерицы, лениво ожидающей, чтобы поесть. --

Ни одного инакомыслящего, - сказал он.

Озадаченный Мортмейн хмурится.

Барон кивает на свиток в руке

Мортмейна. -- Договор. -- В его голосе безошибочно слышится

нотка насмешки. -- Ваше слово -- закон, инквизитор Мортмейн. Ваши сомнения -- безосновательны. Немногие, даже здесь, оспорили бы волю Имперской Инквизиции.

Мортмейн пожимает плечами, игнорируя насмешливый тон барона. -- Я не требую доверия.

Все мы всего лишь проводники воли Императора. И кроме того ваши доказательства были убедительны. На что мы можем надеяться, оставляя за спиной необузданное разложение?

- Именно.

Двое мужчин несколько секунд стоят молча, по-прежнему сжимая руки друг друга. Наконец, Мортмейн разжимает хватку и указывает на одну из скамей.

- Скажите мне, - говорит инквизитор, как только они сели, - что привело вас на «Домитус»?

Договор подписан. Я думал, вы захотите

вернуться домой. Полагаю, что находится так

близко к Оку Ужаса очень неприятно, с вашими-то талантами. -- При слове «таланты» он

бросает короткий взгляд на лоб барона. Барон ван Тол носит низко надвинутую фуражку, и в

этом не было ничего необычного; не считая слегка полупрозрачной кожи, он выглядит как

обычный человек.

Барон пожимает плечами. -- Конечно же, я вернусь на Терру как можно скорее, но я... Он

запинается, словно сомневаясь в способности инквизитора понять. -- Я полностью доверяю

вашим способностям, инквизитор Мортмейн. Позвольте мне объяснить. Я не испытываю

ничего кроме уважения к людям, которые поднялись из... - на его лице застывает

неприязненный взгляд, - низших слоев

общества. Я уверен, что вы весьма компетентный

человек. -- Кажется, он избегает взгляда Мортмейна. -- Но мне не будет покоя, пока эта

ситуация не разрешится.

Мортмейн поднимает брови и откидывается на спинку скамьи. -- Улисс будет уничтожен, барон ван Тол.

- Конечно будет, инквизитор Мортмейн, я не сомневаюсь в этом. Ни капли. -- Барон смеется -

резко, безрадостный. Взгляд по-прежнему устремлен на пол. -- Но увидеть это воочию стало

бы утешением для сердца старика.

Мортмейн собрался ответить, но тут из полутрака вышел один из спутников барона. Он был

копией барона, с такими же женскими чертами лица и вялой осанкой. Единственным

различием были чуть менее седые усы и

меньшее количество медалей на униформе.

- Почему ничего не происходит? -- спрашивает молодой дворянин, его лицо переполняют

эмоции. -- Каждую минуту зараза распространяется. Пока мы...

- Молчи, мой дорогой Пальх! -- Голос барона тягостен, но полон злобы. -- Как ты смеешь

вмешиваться? Назад.

Глаза молодого человека вспыхивают гневом, но он подчиняется приказу и отступает в темноту.

Барон поворачивается к Мортмейну, явно смущенный. -- Вы должны простить ужасные

манеры моего сына. Мы все очень озабочены ситуацией. -- Он ерзает на скамье. -- Тем не

менее, он в своей грубой манере задал вопрос, который крутится в моей голове, когда именно

начнется бомбардировка? Ваши корабли

на позициях или нет?

Мортмейн несколько секунд молча рассматривает барона, стараясь сохранить нейтральное

выражение. -- Улисс будет уничтожен. -- Он тщательно подбирает слова. -- Знать Дома ван Тол

сыграла важную роль в освещении этой ситуации, но сейчас дело находится в руках

Инквизиции.

Барон на мгновение встречается с взглядом с инквизитором, его глаза по-прежнему

настелиливо полуприкрыты. - Конечно. Я просто пришел, чтобы предложить свою помощь.

Вы должны понять... - Барон прерывается, когда замечает, как внимательно рассматривает его

Мортмейн. Ухмылка окончательно исчезает, также неожиданно, как гаснет свет. -- От обороны

Улисса окончательно отказались?

Мортмейн уставился на ван Тола, непривыкший к тому, чтобы его действия подвергались сомнению.

- Я просто заинтересовался, - продолжает барон, - двѣ штѣрмовыи корабляи, отправленныи несколько часов назад.

Мортмейн продолжает пристально смотреть.

Барон ждет ответа, который так и не последовал. В конечном итоге он поднимается, чувствуя

себя неуютно под пристальным взглядом Мортмейна. -- Мне кажется, я вас рассердил,

инквизитор Мортмейн, а это не входило в мои намерения. -- Он отстѣпает с легким поклоном.

Усмешка возвращается. -- Я буду в ваших покоях, если вам что-нибудь понадобится.

Мортмейн прищѣривается, но ничего не говорит, наблюдая, как барон неторопливо идет

вдоль нефа и шепчется со своими лакеями,

пока они не исчезли среди глинных теней.

Как

только их шаги стихли, инквизитор
поднимает голову к благосклонному
взгляду Императора.

-- Они что-то скрывают, - тихо говорит
он, продолжая смотреть на стекло.

Из темноты отвечает голос -- гортанный,
искаженный, словно звучащий через пачку
влажных

тряпок. Отвечает на непостижимом и
отталкивающем языке.

Мортмейн согласно кивает и кривит
губы. -- Экстерминатус может еще
немного подождать. Я

не предаю смерти миллионы, не зная
каждого важного факта.

Ему отвечает еще один поток
булькающих гласных.

Мортмейн массирует бритую голову и
отодвигается назад в молчаливой
задумчивости. --

Юноша, - говорит он, наконец, - сын барона.
Помнится, Новатор назвал его Пальх. Он

несомненно итпұльсивен. Уверен, мы
стожем использовать это в свою пользу.

Все-таки

«Долитұс» - большой корабль. Думаю, он
легко может заблудиться.

Раздается рокочущий стех,
сопровождаемый звуком цепей, царапающих
о камень.

Голос Мортмейна полон отвращения. --
Будь покладист, Цербал. Скоро на моей
совести будет

смерть планеты. Не отягощай мою ношу.

Глава 3

Даже сквозь завывающий ветер звук
болтерного огня не спутать ни с чем.

Брат Тильян

разворачивается на 180 градусов с
почерневшей дырой в нагруднике.

- Вниз, - рявкает сержант Хальсер по
воксу, и Реликторы исчезают с поля
зрения.

Пилкрафт жалобно стонет, съежившись
между сержантом и братом-библиариетом
Котұсом. --

Мы должны быть стойкими, - хнычет он,
сильно грожа. -- Власть
идолопоклонников...

Комус зажимает ему рот и бесцеремонно
толкает на землю.

Их укрытие - узкий овраг, не более
четырех метров шириной.

- Следующий гребень, - борочет Комус.

Хальсер кивает и оглядывается на
клубящиеся пылевые облака. Брат Тимьян
лежит на боку и

бьется в конвульсиях. Кровь и
гидрожидкость брызжет из пробитой
нагрудной брони, и,

кажется, он не может встать. Реликтор
упал наверху оврага и абсолютно
беззащитен, но о его

спасении не стоит и думать. Слышать
тяжелое дыхание невыносимо. Тимьян не
выживет.

Сержант в такой ярости, что несколько
секунд не может говорить. Как он мог
быть настолько

глуп, чтобы завести своих людей в засаду?

Брат Тимьян служил вместе с ним в
бесчисленных

боях. Его щеки побагровели от гнева, и он
со злостью произносит молитву. -- На все
воля

Императора. -- Слова дают утешение. Он
качает головой и вскидывает руку,
собираясь отдать
приказ.

Сержант не успел заговорить. О камни
лязгнули два предмета.

Костодесантники реагируют немедленно,
узнав осколочные гранаты, прежде чем те
остановились, но без толку: гранаты
взведены на взрыв от удара.

Образ наполняется звуком и светом.

Хальсер тяжело приземляется на спину за
узким краем скалы, в ушах звенит от
взрыва. Он

пытается разглядеть остальных, но
огромные клубы пыли стесались с бурей.
Сквозь дым

бегут крупные серые тени, но он не может
рассмотреть кто погиб. Хальсер

повторяет молитву, звучащую менее уверенно. -- На все воля Императора.

Край скалы взрывается от попавшей в него очереди болтерных снарядов. Сержант перекатывается и падает в другой обрыв, мельком увидев дупльную вспышку над отдаленным

скалистым гребнем. Он замирает в позиции.

Дым отнесло в сторону, и Хальсер видит брата-библиария Колуса, припавшего к земле в

нескольких метрах от него. Он выглядел целым, но сжимает украшенную мантию, обвившую

горжет, сгорбившись от боли. Кабели, соединяющие металлический капюшон с его черепом

пульсируют внутренним огнем.

Хальсер встречается с ним взглядом, кивает в сторону врага и показывает жестом бросок, затем стучит болт-пистолетом и машет им вдоль обрыва.

Колус кивает в ответ, но гримаса

остаётся на его лице, и когда он снимает гранаты с пояса, обхватывает голову другой рукой, неистово массируя виски.

Когда граната Котуса находит свою цель, раздаётся ещё один оглушительный взрыв.

В тот же момент сержант Хальсер выскакивает из гального конца оврага, бросившись к краю

скалы. Когда он бежит через дыт, фигура в черном доспехе поднимается и отлетает от него, отброшенная взрывом гранаты.

Хальсер открывает огонь на бегу, выпустив несколько снарядов в шатающуюся фигуру, и

выхватывает цепной меч. Когда он перепрыгивает через край скалы, клинок уже жужжит и

разбрызгивает масло.

Враг попытается открыть ответный огонь, но не успевает навести пистолет на Хальсера

прежде, чем цепной клинок сержанта отсекает его руку. Брызжут искры, кровь

и осколки

кости.

Когда противник отпрянул, зажимая
многочисленные раны, Хальсер
пристатривается к нему.

Десантник-предатель облачен в древний,
черный доспех, скрученный в причудливой
мешанине изгибов и шинов, и отделанный
золотыми, бритвенно-острыми лезвиями.

Ротовая

решетка шлема растянута в зверином
оскале, а нагрудник украшен знойно-
желтым глазом

Сержант ревет. Невозможно сказать, был
ли это рев гнева или восторга. Он
поднимает цепной

меч для нового удара.

Десантник-предатель слишком быстр. Он
парирует цепной меч Хальсера своим
кинжалом, и

воздух наполняется искрами и скрежетом
зубьев.

Хальсер поднимает болт-пистолет, но
боль обожгла бок прежде, чем он смог

выстрелить.

Сержанта подбросило, развернуло и швырнуло о землю. Падая, он замечает второго

десантника, появившегося из бұри и поднявшего болтера для следующего выстрела.

Хальсер перекачивается, и земля вокруг него взрывается.

Затем раздается визг разрезаемого металла, и стрельба прекращается.

Он поднимается с земли и видит, что второй предатель бросил болтер и держится за грудь, завыв от боли. Из нагрудника вышло лезвие меча и он поднимается к горлу. Меч мерцает

неестественным светом, разрезая врага нагвое. Он выбрасывает последний, слепящий

импульс, выйдя из тела в фонтане крови и искр.

Брат-библиарий Колүс переступает через безжизненную жертву, рүхнувшюю на землю. Меч

Все еще сверкает психической энергией, когда Реликтор поворачивается к другому предателю, но, не успев нанести удар, от боли обхватывает свою голову и шатается. Кончик меча

бесполезно лязгает о камне.

Оставшийся десантник-предатель обращает свое оружие на библиария, но прежде, чем он

нажимает на спуск, левая сторона шлема испаряется, оставив тлеющую массу из разорванной

брони и обуглившегося мозга.

Он валится на землю со свистящим бульканьем.

Сержант Хальсер переступает через него и делает второй выстрел в ротовую решетку. Затем

еще. Продолжает стрелять, пока от головы предателя не остается ничего, кроме кровавого

пятна на камне. Затем он приседает и поворачивается, изучая ствол своего оружия. По долине

разносятся треск болтерного огня, но звук искажается и приглушается облаками, делая

бесмысленной попытку засечь что-нибудь.

- Отделение "Громовержец", - рычит он в вокс-бусину, - сообщите свой статус.

По каналу связи трещат голоса. Бой был коротким. Погиб только брат Тильян.

Хальсер качает головой, заподозрив неладное в легкой победе. -- Удерживайте позиции.

Обычно враг не атакует таким малым количеством. -- Он поворачивается и видит, что Котус

упал на колени и все еще сжимает голову.

Он бросается к библиарию. -- Ты ранен?

Котус поднимает голову, его лицо посерело, глаза лихорадочно блестят. --

Это из-за

устройства я схожу с ума? Разве ты не слышишь?

Хальсер в затешательстве качает головой. -- Слышу что?

- Облака, - стонет Котус, его голос

наполнился ужасом. -- Они обращаются к нам.

Глава 4

При виде идущего навигатора монахи и сервиторы разбегаются по теням как крысы. Перед

ним плывет сервочереп, волоча источающие дым кадила и неся глинную канавку свечу.

Бегущий по рядам темных ниш свет обнаруживает съжившихся обитателей «Домитуса». Они

подозрительно смотрят на стройного дворянина и бормочут молитвы по канюшонати. Даже

самые последние мерзавцы корабля вздыхают с облегчением, когда Пальх ван Тол минует их.

В конце глинного, сводчатого коридора стоит его отец и взглядывается в освинцованное

смотровое окно. Сложно увидеть что-нибудь через стекла метровой толщины, затумненные

неплот и паутиной, но когда Пальх
погошел, то смог разглядеть ступенное,
призрачное

присутствие Улисса.

- Это Реликторы, - тихо говорит
навигатор.

- Кто? -- спрашивает барон, повернувшись к
нему.

- Отправленные на планету Агентус
Астартес. Я разговаривал с несколькими
стивидорати.

Они поклялись молчать лично
Мортмейну. -- Пальх морщится. --
Вытянуть правду было
непросто.

- Ах да, я знаю кто внизу. --
Полуприкрытые глаза барона ван Тола
сосредоточились на сыне. --

Не ты один здесь обладаешь зрением. -- Он
стучит костяшками по стеклу. -- Что ты
видишь
сейчас?

Пальх смотрит на призрачную планету и
качает головой.

-- Ничего. То есть ничего за пределами Варп-штормов. Я никогда не видел такой мощи.

Барон устехается.

-- Это грязная, грубая форма колдовства, но, несомненно могучая. -- Он оглядывается в тених

мелькают фигуры в капюшонах - и наклоняется поближе к сыну, понизив голос.

-- Если

Мортмейн не начнет действовать, порча скоро распространится. -- Барон извлекает предмет из

церемониальной куртки и поднимает на свет свечи. Это крошечные песочные часы, встроенные в корпус из замысловатых гравированных костей пальцев.

При виде их Пальх морщится. Песок скопился в центре, не падает ни в одну из половинок. Он

хватает отца за руку, тянет часы поближе и встряхивает их, без всякого эффекта.

-- Что это значит.

- Время бежит, Пальх, - барон пожимает плечами. - Буря расширяется. -- Еще больше

понижает голос. -- Конкордат выиграл нам только небольшую отсрочку. Если Улисс не будет

уничтожен в ближайшее время, другие Дома почувт неладное. Они гораздо проницательней

этих плебеев, и поэтому не поверят во вздор о Черном Легионе и поймут, чем на самом деле

являются шторма. Мы будем уничтожены.

- Тогда что нам делать? -- в голосе Пальха сквозит паника. -- Инквизитор явно лжет нам. Зачем

ему посылать космодесантников на планету, приговоренную к Экстерминатусу?

Барон качает головой и кладет песочные часы обратно в карман.

-- Реликторы -- известные пагальщики, мерзкие коллекционеры, всегда ищущие

пог камнями

то, что там оставлено. Каждый знает, что они всего в шаге от ереси, но инквизитор Мортмейн

должно быть по какой-то причине дал им последний шанс изучить планету. До того... - Он

делает паузу и раздраженно кривит губы. - До того, как возникли проблемы, Улисс был

знаменит своими скрипториями. Говорят, что в одном из них хранятся документы и реликвии, которые старше самого Императора.

- Скрипторий Зевксиса.

Барон кивает.

-- Скрипторий Зевксиса в особенности печально известен. У старших священников были

похожие с Реликторами интересы, которые наиболее авторитетные люди сочли бы

еретическими. Скрипторий был утрачен на многие века, но Реликторы обладают

мастерством

раскрывать тайны. -- Он выпрямляет плечи и задирает подбородок. -- Я должен подумать.

Встретимся в моих покоях через час. -- Когда новатор направляется легким шагом в коридор, со стронил выплывает второй сервачерен и следует за ним, освещающая путь. -- Ничего не делай, -

говорит барон, устехнувшись Пальху, и исчезает за углом.

Пальх барабанит пальцами по столроволу окну. О чем думает

Мортмейн? Зачем он

задерживается даже на секунду, когда столь многое под угрозой? Почему игнорирует

конкордат? Кто-то должен знать.

Навигатор стоит на месте несколько минут, борточа под

нос, пока его не осеняет. Кажется, мысль пришла полностью сформировавшейся, словно сам

корабль ответил на его вопрос.

-- Ну конечно, - тихо говорит он. -- На борту есть другие Реликторы. Они должны знать что происходит.

Нальх шагает к пустой нише. Это своего рода святилище, но он не прыгает. Значения сугубой, крылатой статуе, притаившейся в темноте, когда садится на каменную скамью и закрывает глаза. Навигатор прикладывает пальцы под козырек фуражки, к выступу посреди лба. Затем

шепчет про себя заклинание и через несколько минут дыхание начинает учащаться, а на лице

появляются капельки пота. От лба расходится парализующая боль, и он тихо стонет. В

разуме проносятся образы. Нальх видит машины: огромные, почерневшие чудовища, грохочущие и извергающие энергию глубоко в недрах «Домитуса». Затем километры серых

жилищных блоков, обеспечивающих

жильем легионы матросов и жрецов, целые полки

гвардейцев. Многие гвардейцы ранены, и Пальх ощущает их тугу и страх, когда прикасается

разумом. Он направляется дальше. Затаив дыхание, остатривает полетные палубы, часовни, монастыри и ангары, пока не чувствует что-то абсолютно отличное от гвардейцев: обрывок

холодного, сурового высокомерия.

— Да, — шепчет навигатор. Разумы Агентус Астартес ни с чем не спутать. Он убирает пальцы со

лба, натягивает фуражку на место и наконец, выдыхает. — Всего в нескольких километрах.

Кажется немного странным, что он нашел свои цели с такой легкостью, но Пальх так

обеспокоен, что и не задумывается над такой вероятностью. Навигатор поднимается и

остатривает коридор. Свет барона исчез

из виду.

-- Прости отец, - говорит он, и голос дрожит от эмоций, - Я не стану просто сидеть, когда

наше имя выбрасывают на свалку. -- Затем поворачивается и спешит в противоположном

направлении, быстро исчезая в бесконечном лабиринте коридоров.

Через несколько секунд большая крылатая тень спускается со стены храма. Она выходит в

коридор. Очертания трудно различить, но когда существо тихо скользит за Пальхом, один из

наблюдателей в капюшоне оказывается достаточно невезучим, чтобы бросить на него беглый

взгляд. Человек с проклятьями отшатырывается к стене, запечатлев образ разорванной плоти и

потрепанного железа. Он падает на колени, прижав ладони к глазам, и слышит далекий звон

ценей.

Через полчаса Пальх замечает, что коридоры становятся более узкими и неубранными. Нет

признаков сервиторов, а по углам лежат неубранные кучи отходов. Воздух все более насыщается запахом машинного масла и экскрементов, и навигатор прикрывает нос

шелковым, надушенным носовым платком. Разве эти помещения пригодны для Агентус

Астартес? - думает он. Затем вспоминает, какой Орген разыскивает: Реликторов. Утрата или

благосклонности почти забавна. Открытый коллектор -- идеальное место обитания людей, на которых висит так много обвинений в ереси.

В конце концов, потолок становится таким низким, что сервочереп не может больше

сопровождать его, и Пальх ругается,

остановившись в темноте.

-- Что это за место? -- тихо спрашивает он, вытащив небольшой фонарик из кармана куртки.

Когда тонкий луч освещает стены впереди, навигатор видит, что коридор больше не каменный

- он состоит из нагромождения ржавого железа, вентиляционных отверстий и кипящих труб.

- Наверное, это не тот, - бормочет человек, наклонившись и медленно продвигаясь вперед.

Затем Пальх слышит за спиной звук и поворачивается, наводя фонарик на тени. Темнота

поколебнулась и отошла, но он не смог отчетливо что-либо разглядеть. Его охватывает страх.

Пальх вытягивает меч и задумывается над тем, чтобы вернуться, но едва мысль сформировалась в его голове, как дверь отрывается от креплений и падает на каменный пол.

Из-за вызванного лязга навигатор так сильно вздрагивает, что роняет фонарик, и тот,

отскочив в темноту, гаснет.

Опускается крошечная тьма, Пальх ругается.

-- Есть тут кто? -- зовет он, и слова причудливо отражаются в узком коридоре.

Ответа нет.

Пальх опускается на колени и тянется в темноту. Он уверен, что заметил, где упал фонарик, но

когда пальцы шарят по холодному камню, то не находят и следа металлического цилиндра.

- Где он? -- шепчет с растущей паникой.

Когда пальцы навигатора тянутся дальше, то нащупывают что-то мягкое и теплое.

Он взвизгивает от ужаса, отшатнувшись к стене.

Пальха сковывает ужас, он поднимается и пятится так быстро, как может. Темнота такая

полная, что вынуждает его идти вглубь
холодного, липкого металла стен.

Навигатор тихо

ругается, когда его пальцы касаются
острых краев и торчащих винтов.

Несмотря на боль, Пальх понемногу
увеличивает скорость. Но мере того, как
глаза начинают

привыкать к темноте, уверенность
возвращается. Он понимает, что впереди
открытая дверь и

переходит на бег, держа перед собой меч.

Возле дверного проема Пальх замечает
впереди движение: сутулую, блестящую
фигуру,

слишком быструю, чтобы ее отчетливо
разглядеть.

За секунду до того, как он достиг двери,
она закрывается.

Пальх с хрипом врезается в нее. Меч
болезненно выворачивается в руке.

Когда он скользит на пол, держа руки
перед лицом, то чувствует что-то в
темноте.

Фигура приближается.

Глава 5

Пока остальное отделение «Громовержец» неловко понимается на скалы, сержант

Хальсер

останавливается и ждет брата-библиария Котуса. Наблюдая за приближением старого друга, он испытывает болезненную смесь гнева и вины. Котус идет, спотыкаясь, по причудливой

местности, силовой доспех покрыт пылью. На лице застыла гримаса, но он по-прежнему

крепко сжимает либеллус.

-- У меня не было выбора, - одёргивает себя Хальсер. -- Это наш последний шанс.

Сержант вытирает визор и изучает горизонт в поисках врага. Солнце опустилось ниже,

окрасив облака в бронзовый цвет, из-за чего их трудно различить. Хальсер снимает с пояса

ауспик, но прибор по-прежнему ничего не

показывает. С момента крушения они
ничего не

слышали от брата Сильвия. И что более
тревожно, не могли связаться с флотом
Санктус и

«Домитусом». Они абсолютно одни. Когда
взгляд Хальсера снова падает на
наклонившуюся

фигуру Котуса, в голову приходит та же
самая мысль. Это наш последний шанс.

Котус был всего в нескольких метрах,
когда Хальсер замечает что-то странное.

Библиарий

входит в узкое дефиле и на краткий миг
исчезает из виду, потом снова появляется
и машет

сержанту мечом. Хальсер кивает в
ответ, но затем хмурится. Между двутя
костодесантниками

проходит пелена пыли, и Котус исчезает.
Хальсер собирается его вызвать, но Котус
снова

появляется, в точности повторяя свои
движения. Он даже делает тот же самый

взмах рукой, словно ничего не произошло. Хальсер ощущает тревожную дрожь. Что-то не так, но он не

может сказать что. Возможно, Колус вернулся в дефиле, но в сделанном им знаке было нечто

странное. Второй взмах был идентичен первому. Хальсер трясет головой и поднимается,

чтобы поприветствовать библиария. Дежавю, думает он, но чувство тревоги остается, когда он

помогает Колусу подняться на скалы.

- Ты в порядке? - спрашивает сержант, скрывая тревогу хмурым видом. Он понимает, что из

глаз библиария текут кровавые слезы.

Колус кивает, но не может ответить из-за сильной отдышки.

- Это из-за присутствия предателей? - спрашивает Хальсер. - Оно причиняет тебе такую боль?

Колус хмурится и качает головой.

- Нет, - выдал он через несколько

минут. Когда библиарий говорит, на его губах блестят

маленькие капли крови. Котус кивает на либеллус. -- Это из-за ксеноустройства и чего-то еще.

Здесь есть еще что-то.

-- Но, это работа еретиков, верно? -- Хальсер указывает в сторону каменных колонн и

клубящихся облаков.

Котус следует за его взглядом и смотрит на жуткий закат.

-- Что-то еще, - повторяет он.

Хальсер осознает, что никогда не видел такой боли у боевого брата.

-- Может быть, ты вернешься к штурмовому кораблю, Котус? У нас нет времени на

пассажиров. Наверное, ты сможешь помочь техносвященникам? Кажется, они считают, что

ремонт займет время, но пара лишних рук ускорит процесс. -- Он замаялся. -- Возможно, ты

смог бы показать мне, как пользоваться
ксеноустройством.

Комус сжимает руку сержанта.

-- Нет. Я должен продолжать. Я защищаю
вас от чего-то. -- Реликтор указывает в
сторону

облаков. -- Вот почему... - Он прерывается
и снова морщится. -- Боль не только от
либеллуса.

Но и потому что я сдерживаю молитвы.

- Молитвы? -- Хальсер в замешательстве
качает головой. -- Чьи молитвы?

- В ветре слышатся молитвы. И они
наполнены такой силой, что освежают
тебя до костей, если я им позволю.

- Силой? Ты имеешь в виду колдовство?

Комус закрывает глаза и прижимает руку
к одной из дюжин печатей чистоты,
которые

украшают его силовой доспех. Пальцы
сильно давят на кусок воска и потятый
пергамент, и

когда библиарий открывает глаза, они
становятся немого яснее.

-- Нет, не колдовство. Но крайней мере, не то, что ты подразумеваешь. Я слышу катехизмы и

молитвы святых. Я слышу молитвы, которые говорят о покорности Бессмертному Императору. --

Он массирует голову. -- Но в них сила, которую я никогда не... - Колумс запинается, глаза

наполнены замешательством. Потом он поворачивается к Хальсеру. -- Я не верю, что Улисс

захватил Черный Легион. Какая-то огромная сила властвует здесь, но она не любит Хаос.

-- Конечно же, планета во власти Хаоса, - Хальсер яростно трясет головой. - Инквизитор

Мортмейн был уверен. До Экстерминатуса считанные часы. -- Сержант смотрит на остальное

отделение, следя за их продвижением по изувеченному ландшафту. Крошечный по сравнению

с нити аколит инквизитора тяжело
опирается на свою трость и бредет за
костюгесантниками.

-- Пилкрафт сказал, что облака -- знак
Хаоса. Он сказал, что они прибыли с
Черным Легионом.

Котус пристально смотрит на сержанта.

-- Я бы не стал слишком верить словам
этого человека. Я чувствую, он что-то
скрывает от нас.

Хальсер скидывает руку библиария и
кивает на горизонт.

-- Что ж, мы узнаем правду очень скоро,
если продолжим идти. У нас есть только
шесть часов.

Потом инквизитор Мортмейн начнет
бомбардировку, есть здесь Хаос или нет.

Костюгесантники прошли совсем немного,
когда снова началась стрельба.

Отделение бесшумно исчезает в буре.

Сержант Хальсер опускается за скалой.

-- Брат Вортимер, - шепчет он в вокс-
бусину. -- В кого-нибудь попали? Что ты
видишь?

В ответ взрыв белого шума.

- Брат Вортимер?

Раздается еще одно шипение потех, но в этот раз сквозь искажения слышны слова.

-- Болтерный огонь. Широкий разброс. Они укрылись в каком-то здании. В полукилометре к

востоку. Это может быть башня, но я не увере...

Сигнал прерывается.

Хальсер чувствует, как учащается пульс. Он не потеряет еще одного человека. Сержант

открывает канал связи со всем отделением.

-- Вортимер, Борелль и Сабин в обход, зайдите с тыла. Остальные оставайтесь на позициях.

Ждите моего сигнала.

Поворачивается к Колусу.

-- Это та сила, которую ты чувствуешь?

Библиарий качает головой.

-- Это -- предатели. -- Он хмурится. -- Ум

ужасно больно.

Хальсер смотрит на аусник и ругает
черный экран. Затем, когда титло
проносится особенно

плотное пылевое облако, он рискует
выглянуть за камень. Брат Вортимер
прав: к востоку есть

какое-то здание. Когда облака уносятся,
сержант видит совершенно отчетливо
скалистую

спираль, на вершине которой похожие на
зубы выступы, напоминающие зубцы
замковой

стены. Она выглядит частью более
крупного строения, но прежде чем сержант
успевает

рассмотреть что-то еще, он замечает
движение позади зазубренных камней.
Укрываясь,

Реликтор мельком видит вспышку света.
Сквозь бурю пронесся свистящий вой, и в
нескольких метрах слева от Хальсера
земля

взрывается в облаке пыли и вращающихся

катней. Катни стучат по его броне, и сержант ругается.

-- Лазнушка. - Он оглядывается на Котуса. -

- Боль не мешает им стрелять.

-- Но с ними что-то совсем не так, - библиарий качает головой. - Почему, по-твоему, они так плохо прицелились?

Хальсер кивает на узкую траншею в нескольких метрах позади и когда они тяжело падают в нее, включает связь.

-- Вортимер, Борелль, Сабин -- вы на позиции? Что вы видите?

Хальсеру отвечает стрельба: целый залп грохочущих выстрелов с башни.

- Вперед! -- кричит он, выпрыгнув из траншеи и бросившись в направлении звуков стрельбы.

Глава 6

Пальх приходит в себя среди темноты и звука звенящих цепей.

Он попытался пошевелиться, но в желудке вспыхивает страшная, выкручивающая боль.

-- Кто здесь? -- с трудом произносит навигатор, пытаясь встать. К своему ужасу он понимает, что привязан широкими, кожаными ремнями к какому-то металлическому стулу. Его охватывает ужас.

-- Ты не понимаешь, что делаешь! -- кричит Пальх, встатриваясь в движущиеся тени. -- Я

принадлежу к Дому ван Толов.

Звук скрежета по металлу продолжается, но ответа нет.

Голос Пальха почти дошёл до крика.

-- Я -- Навис Нобилите! Ты не можешь обращаться со мной так! -- Он напрягся, чтобы

освободиться и снова почувствовал ужасную боль в желудке. Что-то пронзило тело, и куртка

пропитана кровью. -- Что ты сделал со мной?

Наконец ему отвечают: откуда-то из-за спины раздается влажное бульканье. В словах нет

никакого смысла, но в то же время Пальх понимает что-то. Едва мерзкие звуки наполняют

темноту, навигатор чувствует, как в его голове формируются слова. Он понимает к своему

изумлению, что маленький, твердый глаз во лбу переделяет эту тарабарщину в понятный

ему язык. Словно сам варн разговаривает с ним. Каждый слог добавляет боли, словно пронзая

мозг иглами.

- На самом деле, это ты сделал с собой. -- Слова появляются скорее как мысли, чем звуки, и

мысли полные ненависти. Чувство злобы столь велико, что навигатор невольно заплакал.

- Сделал что? -- в конце концов, выговаривает он.

- Ты упал на свой меч, Пальх.

Навигатор смотрит на свой живот. Слишком темно, чтобы ясно что-нибудь видеть, но он смог

почти разглядеть проблеск искривленной стали, застрявшей в животе.

-- Тогда мне нужна помощь! -- кричит навигатор. -- Ты не можешь оставить меня в таком

состоянии. -- Его страх начинает смешиваться с гневом. -- Кто ты?

Бормочущий ответ непонятен, но, как и прежде, слова появляются в голове Пальха.

-- У меня больше имен, чем мне хочется помнит. Думаю, некоторые из них могут иметь

смысл для тебя, но ни одно не соответствует истине. Мой нынешний хозяин зовет меня

Цербал. Этого будет достаточно для такого как ты.

Пальх отчаянно цепляется за эти обрывки информации.

-- Твой хозяин? Кто твой хозяин? Дай мне

поговорить с ним. Как только он поймет
кто я, ты...

- О, инквизитор Мортмейн очень хорошо
знает, кто ты, Пальх ван Тол. Ведь ты
здесь по его
приказу.

Несмотря на боль, Пальх недоверчиво
стееется.

-- Мортмейн? Он бы не остелился!

Темнота наполняется металлическим
скрежетом, и прямо перед Пальхом
появляется лицо.

Это самая ужасная вещь, которую когда-
либо видел навигатор. Лицо, вероятно,
когда-то

принадлежало смертному, живому
человеку, но теперь это была оболочка из
плоти, которая

содержала в себе извивающийся
невыразимый ужас. Бритый череп треснул
в нескольких

местах, обнажив вишневого цвета
извилины из кости и слабый мерцающий
свет. Глаза были

выжжены, оставив две черные впадины, в центре которых мерцал холодный синий огонь. Вся

голова разограна и деформирована. Кажется, лишь одно удерживает искалеченную массу

вместе: внутри и снаружи лица тянутся ржавые цепи, глубоко проникшие в кости и тускло

сверкающие, когда рот открывается в широкот, беззубот оскале.

-- О, ты был бы удивлен, на что он остеливается.

Когда изуродованное тело говорит, Пальх видит причину булькающего, влажного тембра его

голоса. Глотка существа вырвана, а обнажённые голосовые связки свободно двигаются среди

блестящих мышц.

Пальх пытается отогвинуться от чудовища. То, что действительно поражает, так это голос в

его голове. Слова столь неестественны и

зловны, что он чувствует, как разум
сдается от

напряжения. К нему наклоняется не
стерпное существо. Что-то нечистое было
связано в

плоти человека. В его мыслях блуждает
слово «демон», но навигатор пытается
избавиться от

него, пока безумие не овладело им.

-- Ты должен поточь мне, - тихо говорит
он.

- Конечно, потогу, - отвечает масса из
запекшейся крови и цепеней. -- Мортмейн
очень

заинтересован в твоей безопасности. Я не
могу оставить тебя в таком
затруднительном
состоянии.

Пальх закричал. Чудовище положило руку
на меч в его животе и дернуло вверх к
грудной
клетке.

- Конечно, - продолжает оно, когда
навигатор снова затолкает. -- Я могу

вытащить меч

быстро или медленно. Я могу вытащить его осторожно или не очень.

- Что ты хочешь от меня? -- стонет навигатор, когда свежая кровь скапливается на его коленях.

- Я хочу, чтобы ты говорил, Пальх, это все. Больше нет необходимости в недоразумениях.

Мне просто нужно знать, почему ты и твоя семья прибыли на «Домитус».

Пальх видит проблеск надежды, затем вздыхает, когда осознает реальность своего положения.

Удивительно, но навигатор чувствует, что страх немого уменьшился, когда он принял свою судьбу.

-- Ты ни за что не оставишь меня в живых. Не после того, как сказал мне, кто твой хозяин.

Раздается новый звон цепей, и перед лицом Пальха что-то появляется. Это

рука монстра.

Серые и изогнутые пальцы. Под полоскати
рванной, грубо пришитой кожи видны
блестящие

куски костей. Пурпурные и разогранные
ногти. Но Пальх обращает внимание не на
истерзанную плоть, а на глинный,
металлический шприц в руке.

- Ты абсолютно не прав, - объясняет голос в
голове Пальха. -- Если ты просто
поговоришь со

мной, я могу стереть все воспоминания об
этой встрече. Видишь ли, мой хозяин
обладает

располагающей к себе привязанностью к
милосердию. Он специально попросил,
чтобы я

постарался поточь тебе. Тебя найдут в
водостоке, возле жилищ рабов, раненного,
но живого, а твой отец устроит выволочку
за то, что ты почти погубил себя. --

Монстр поднес иглу

поближе к лицу Пальха, чтобы тот мог
увидеть жидкость, капающую с ее кончика.

- Все, что

нужно -- это объяснить, почему вы не
отправились на Терру. Какой у твоей
семьи особенный

интерес к этой планете? Что связывает
вас с Улиссом?

Сердцебиение Пальха снова учащается,
когда он понимает, что может все-таки
выжить. Все, что нужно сделать -- это
рассказать чудовищу об истинной причине
штурмов Улисса.

Изуродованное лицо приближается,
чувствуя, что навигатор собирается
заговорить.

Тогда Пальх закрывает глаза и сильно
кусает губу. К своему удивлению он
осознает, что

кое-что значит для него больше, чем
собственная драгоценная жизнь. Как можно
довериться

этому существу? Если правда об Улиссе
раскроется, это будет конец всему; конец

Дома ван

Толов. Их долгая, прославленная история

бюджет вычеркнута из имперских архивов,
выдающаяся родословная станет
бесполезной, имущество будет
конфисковано и, что хуже

всего, они будут опозорены. Вся Терра
будет считать Пальха ван Тола сыном
предателя. Пальх
мучительно застонал.

-- Я ничего тебе не скажу, - шепчет он, не в
состоянии поверить в то, что говорит.

Чудовище опирается на сломанный меч и
вызывает новый приступ агонии в животе
Пальха.

-- Ты уверен? -- Перед лицом Пальха
появляется глинный, ржавый кинжал. -- Я
более чем раз

вытянуть из тебя информацию, а вот
людям обычно не нравятся мои методы.

Пальх слишком хорошо знает методы,
которые, вероятно, воспользуется
инквизиторский

лакей, но с абсолютным ужасом
стеснивается новое чувство: уверенность в
том, что нельзя

позволить этому страшному существу
узнать правду.

- Некоторые вещи стоят того, чтобы
утереть за них, - тихо говорит он.

Тварь стееется.

- О, ты не утреешь, Пальх, уверяю тебя. --
Клинок прижимается к грожащему горлу
навигатора. -- Я весьма искусен в своем
ремесле. У меня были тысячелетия для
совершенствования.

Когда Пальх отвечает, его голос
остаётся необычно спокойным.

- У моего отца были сомнения по поводу
прибытия на «Домитус». Он знал, что
произойдет

катастрофа, если один из нас
проговорится. Больше всего он боялся, что
Мортмейн может

узнать правду.

- Правду, Пальх? Что за правду?

Пальх задирает подбородок и раздвигает
ноздри.

- Правда в том, что ты ничего не

получишь от меня. Мой отец предвидел
именно эту

возможность. Он заставил нас принять
меры предосторожности.

Звучащий в голове Нальха голос
возбужден, словно пытается сдержать
стех.

-- Меры предосторожности? Что ты
имеешь в виду? Что за...

Предложение остается незаконченным,
когда Нальх из всех сил бьет правой ногой
по

каменному полу. Каблук на его ботинке
разрушается, и взрывной заряд в нем
наполняет

помещение ослепительным светом.

Взрыв настолько силен, что звук
расходится на несколько километров и
доходит до

маленькой, грязной комнаты, где отец
Нальха испуганно поднимает голову.

Глава 7

Земля раскалывается, когда Хальсер
бежит к башне. Камни и осколки стучат

по шлему, пока

он лавирует между вражескими взрывами.
У основания здания он врежется всей
массой в

хрупкую дверь, и та зрелищно
разлетается на куски, пропуская
споткнувшегося сержанта в

маленький внутренний двор. Стрельба
становится неистовее, но он превращает
свое падение в

перекат и с грохотом катится по
разлетающимся плитам. Реликтор со
скрежетом

останавливается за разрушенным
колодцем и поднимает болт-пистолет для
ответного огня.

Хальсер видит ряд десантников-
предателей, прислонившихся к парапету
на вершине странной

башни. Один из них держит скрученный,
серповидный кусок металла. Сначала
Хальсер не

опознает его, но когда луч
потрескивающего синего света вырывается

из дупла, он понимает, что это лазпушка.

Колодец разваливается и Хальсера отбрасывает назад через внутренний дворик. Удар убил бы

смертного, но силовой доспех сержанта со свистом гидравлики стягивает взрыв, позволив ему

свободно перекатиться. Когда второй предатель открывает огонь из настолько же нелепого

болт-пистолета, Хальсер встает и невозмутимо стреляет в ответ. Тут же с нескольких

направлений раздаются выстрелы, наполнив внутренний двор светом, звуком и дымом, из-за

чего невозможно что-нибудь увидеть. Сквозь дым разносятся металлические голоса и топот

ботинок.

Хальсер не уверен, что попал в кого-нибудь. Он пытается прицелиться в предателя с

лазпушкой, но стелющийся дым не дает

уверенности в том, что Реликтор видит.

Дважды он

почти открывает огонь, а потом опускает оружие, опасаясь попасть в кого-то из своих людей.

Сержант видит вспышку искрящегося металла слева от себя. Котус вонзает психосиловой меч

в кого-то невидимого для Хальсера. Раздается скрежет металла, когда Библиарий вырывает

свой клинок, окрасив облака в красный цвет. Он отшатывается и готовится ударить снова. --

Они стреляют наугад! -- кричит Библиарий, указывая мечом на стены. -- Кто-то еще атакует их!

Кто-то еще? Хальсер пробегает сквозь дым, чтобы получить лучший обзор. Приблизившись к

стене, он видит десантников Хаоса, выстроившихся у бойниц. Котус прав. Все они застыли в

странных позах: неуклюже тянулись в

стороны или же корчились у стены. Один
стои

прицелиться в Хальсера, но выстрел
проходит в метре от головы Реликтора,
так как предатель

из всех сил пытается удержать оружие.

Хальсер бежит через кружащиеся облака,
приказав отделению наступать. Он
замечает

лестницу у подножья круглой башни и
когда взбегают по обваливающимся
ступеням, то видит

причину странных поз десантников Хаоса.
В них вцепились клубы дыма и пыли,
закручиваясь

вокруг уродливых силовых гонимых в
мутные, движущиеся столбы.

Предатель с лазнушкой разворачивает ее,
чтобы встретить приближающегося
сержанта, но

при попытке прицелиться падает на
колени, придавленный бурей.

Хальсер поднимает болт-пистолет,
чтобы выстрелить и в шоке

останавливается. Нога его

противника теперь заключена в камень, который постепенно сливается с облаками.

Клубы

дыма, охватывая десантников Хаоса, затвердевают и превращаются в камень.

-- Трон, -- шепчет Хальсер, застыв. Ему не стоит дальше раздумывать над невероятностью

происходящего. Паранет позади него взрывается, когда очередной выстрел проходит мимо.

Хальсер отбрасывает изумление и атакует попавших в ловушку врагов, вонзив ценной меч в

нагрудник первого и проревев боевой клич, когда предатель исчезает в ливне крови и разорванной брони.

Вслед за сержантом поднимаются остальные воины, стреляя спокойными, точными очередями

в движущуюся массу. Враг превосходит их гва к одному, но борьбы нет. Пока

Реликторы

разрывают их на части, десантники Хаоса прикованы к земле огромными, ожившими клубами

дыма. Когда они падают на плиты, дым принимает форму каменных столбов — точно таких

же, что покрывают поверхность планеты.

Несколько минут облака пульсируют светом, в то время как Хальсер и остальные Реликторы

выпускают непрерывные очереди в их ревущих врагов. Затем, после того как становится ясно, что ответной стрельбы нет, Хальсер выдерживает ревущий цепной меч из мертвого тела и

отходит назад. Он поднимает окровавленное оружие над головой и поворачивается к своим людям.

Стрельба прекращается и Реликторы опускают оружие, рассматривая устроенную ими бойню.

Стены башни опалены и испещрены дырами, а изувеченные останки

подгесантников Хаоса лежат

разбросанными по скользкой от крови каменной кладке. Реликторы с изумлением наблюдают, как столбы утрачивают последние признаки дыма и превращаются в твердые, неподвижные куски камня, покрыв убитых подобием савана. Розатые, стонущие шлемы украшают башни, как ониксовые штифты в огромном драгоценном изделии.

Хальсер пересчитывает костподгесантников, собравшихся на стене. Только семеро поднялось

вместе с ним. Не видно Колуса. Он смотрит вниз во внутренний двор и видит отличный

синий доспех библиария, лежавшего навзничь в крови. От него отходит человек и быстро исчезает в облака пыли.

В ушах сержанта стучит пульс, по-прежнему подгоняемый жаждой крови, и он, не думая

дважды, поднимает пистолет и стреляет по удаляющейся фигуре. Только спустившись по

ступеням, он видит, что упавший человек не вооружен, а его мантия отмечена имперской

символикой. Хальсер выругался и перевернул человека носком ботинка. Тот все еще жив, но

тяжело дышит и слабо сжимает рваную рану в плече. Его мантия, изначально белая, быстро

становится красной. Рана выглядит тяжелой, но не смертельной, и Хальсер не может решить

хорошо ли это или плохо. Грудь человека украшена имперской аквилрой, но в нем кое-что

попахивает ересью: оба глаза удалены хирургическим путем, вместо них две линии неровных

швов, а на лбу прикреплен кусок кристалла в форме звезды.

Человек пытается заговорить, но его

слова заглушены кровью, идущей из рта.

-- Что ты сказал? -- Хальсер опускается рядом с ним и поднимает его в сидячее положение.

Раненый выплевывает кровь на грудь и делает еще одну попытку.

-- Не приближайтесь. Не приближайтесь к пророку, -- произносит он булькающим звуком,

прежде чем его прерывает ужасный кашель, вызвавший новое кровотечение.

-- Что? -- спрашивает Хальсер, тревожно поглядывая на лежащее в паре метрах от него тело

Котуса. -- Какому пророку? О ком ты говоришь?

-- Астрей, -- шепчет тот, вцепившись в плечи Хальсера. -- Вы должны позволить ему закончить

испытания. Вы не должны разрушить его великую работу.

-- Астрей? -- Хальсер встряхивает головой.

-- Что за великая работа?

Человек подтягивает себя поближе и

Хальсер испытывает пугающее чувство,
будто смотрит

на него через кристаллическую звезду.
Когда незнакомец мотает головой,
убывающий свет

преломляется сквозь призму и показывает
серый, сморщенный мозг под ней.

-- Улисс только начало. Он очистит всю
галактику. -- Человек поворачивается к
каменным

столбам, которые окутали десантников
Хаоса. -- Стихии теперь подчиняются ему.
Скоро,

Темные Силы научатся пресмыкаться.
Великий Враг будет ползать перед ним,
как дворяжка.

-- Голос превращается в визг. -- Но вы
должны покинуть Улисса! Вы все
разрушите ...

Человек застывает и издает хриплый
звук, когда в его груди появляется
дымящаяся дыра. Из

носа брызжет кровь, и он оседает в руках
сержанта.

Хальсер бросает его и резко поворачивается.

-- Мерзкий иголопоклонник, -- шипит Пилкрафт, опустив лазерный пистолет и убрав

оптические кабели обратно в капюшон.

Хальсер вскакивает и хватается за воротник инквизитора Мортмейна за глотку, оторвав его от земли

и впечатав в разбитую стену.

-- Не ты принимаешь здесь решения! -- Его слова настолько громки, что вырываются из

шлема, как искаженный шумовой поток.

Пилкрафт воеет стесью ужаса и негодования.

-- Эта планета проклята! Мы не можем сохранить жизнь преступникам! Беспощадный гнев

Императора должен быть быстр как...

Его слова прерывает громкий хлопок, когда Хальсер швыряет Пилкрафта на землю и

прицеливается пистолетом в его

колеблющийся капюшон.

-- Молчать! -- ревет он, все его тело дрожит от гнева.

Пилкрафт смотрит на круг костодесантников, которые собрались вокруг него. Все они навели

оружие на аколита. Он что-то бормочет под нос, но больше не возражает сержанту.

Хальсер отпускает его и отворачивается, махнув своим людям в сторону лежащего библиария.

-- Кому, -- обращается он, опустившись рядом с ним на колени. -- В тебя попали?

Библиарий качает головой и морщится при виде облаков, плывущих над их головами.

-- Нет, я могу идти. -- Он кивает на мертвого незнакомца. -- Я начинаю понимать. Пилигримы

никогда не покидали Улисс. Они никогда не утирали. Они все еще здесь, после всех этих

столетий, но их поклонение сбилось с пути. -- Он снова указывает на облака. --

Упомянутый ил

пророк каким-то образом связан со всем этим. Именно он обрек Улисс. -- Он сжимает голову

и стонет от боли и замешательства. -- Но он не последователь Губительных Сил.

-- Тогда зачем они осквернили храм Бессмертного Императора! -- Пилкрафт не может держать

язык за зубами. Какое имеет значение кто их лидер? Они худшие из ...

На кивок Хальсера оди из Реликторов выходит вперед и зажимает рот Пилкрафту.

-- Кто бы ни был этот пророк, мы недалеко от него, -- продолжает Колус, сев и остотрев

внутренний двор. -- По воле случая или замыслу пророка мы наткнулись на одну из дорог в его

убежище. -- Он стучит пальцем по таленькой книжке в кожаном переплете. -- Согласно

либеллусу если мы найдем Скрипторий

Зевксиса, ты найдешь пророка.

Хальсер поворачивается и смотрит на разрушенные стены башни. На визоре его шлема

вспыхивает багрянцем садящееся солнце.

-- С наступлением темноты Мортмейн начнет орбитальную бомбардировку. У нас есть менее

четырех часов, чтобы найти скрипторий.

-- Он понижает голос. -- Брат Сильвий и остальные

должны обойтись без нас.

Комус качает головой, когда Хальсер помогает ему встать. -- Но какова польза от обнаружения

скриптория, без единого указания с «Домитуса»?

Раздается шипение выпускаемого воздуха.

Хальсер снимает шлем. Его грубые черты лица

такие же красные, как небо.

-- Это наш последний шанс, Комус, разве ты не понимаешь? Мортмейн -- наш единственный

друг, а врагов у нас легион. Мы должны их
всех убедить. Мы должны показать им,
что наша

готовность учиться -- это не ересь, а
последняя надежда Империи. У нас есть
мужество идти

туда, куда не пойдут другие Оргена. Мы --
единственные, кто...

-- Ты не должен мне все это объяснять, --
прерывает его библиарий с недоверчивым
видом. Он

отводит Хальсера в сторону от
остальных и говорит настойчивым
шепотом. -- Но как мы

уберемся с планеты, прежде чем
Мортмейн начнет сбрасывать свои
бомбы? Если мы не

может лететь в облаках, как мы покинем
планету живыми? У нас осталось четыре
часа.

Может быть, мы должны вернуться к
штормовому кораблю и посмотреть
стожем ли поточь
техносвященникам?

Лицо Хальсера покрывает сеть пульсирующих вен, и он шипит сквозь стиснутые зубы.

-- Если мы вернемся с пустыми руками, то в любом случае будем мертвы. Ты исполнишь приказ

капитана Асамона: найти оружие, достаточно мощное, чтобы очистить каждую планету в

системе. У нас будет надежда на искупление, только если Инквизиция увидит наш истинный

потенциал. Если мы вернемся сейчас, Реликторы обречены. Все до единого. -- Он сжимает

руки, словно в молитве. -- Но если мы сможем продемонстрировать силу нашей веры, показать

им, что мы можем пользоваться даже самыми могущественными артефактами, им снова

придется признать нас верными слугами Императора. -- Когда сержант оглядывается на

разрушенную башню, в его голосе звучит нотка одержимости. -- Кроме того, какая польза

будет в нашем возвращении к штурмовому кораблю? -- Он указывает на облака пыли. -- У нас

нет сигнала. Как мы полетим? Я сомневаюсь, что мы преодолеем десять километров, прежде чем врежется в гору.

Комус прищуривается, испуганный странным тоном сержанта, но не может отказать в логике

Хальсеру. Было чудом, что они смогли приземлиться. А с тех пор погода еще больше

испортилась.

Хальсер бьет по нагруднику.

-- С нами еще не покончено, Комус. Я не позволю это! -- Он топает ногой, подняв облако

пыли. -- Скрипторий Зевксиса один из самых известных реликвариев Улисса. Подумай,

сколько сокровищ там может быть. --
Реликтор кивает на окровавленные
плиты. -- У ты

говоришь, что это место также
источник всего этого, -- он указывает на
небо, -- колдовства.

Почему мы должны возвращаться на
корабль не узнав, по крайней мере, кто
этот так

называемый пророк? Я не сомневаюсь, что
он -- жулик, но кто знает, какие
артефакты он

хранит. Огин, без всякой имперской
поддержки, он перехитрил Черный Легион.
Подумай, что

это может значить! Он окружил целую
планету облаками, которые обращают
людей в камень.

Как он смог добиться этого? Может
быть, используя запретный текст?
Возможно, обнаружив

реликвию со времен, когда Сам
Император бывал здесь?

-- Я не понимаю. -- Колус качает головой. --

— Ты хочешь, чтобы мы отправились к человеку, который погубил целую планету?

— Почему нет? — Голос Хальсера превратился в резкий рык. — Ради Трона, Котус, разве ты не

видишь? Возможно, мы обречены, но, по крайней мере, мы можем окончить свои дни,

покрытые славой. По крайней мере, мы можем положить конец монстру, изводящему эту

несчастную планету. И возможно... — На его лице появляется улыбка. — Возможно, мы

сможем найти нечто, что сделает это путешествие действительно стоящим.

Библиарий поворачивается к другим костодесантникам. Они терпеливо ждут приказов, как

обычно гордые и благородные. Он вздыхает и качает головой. Они не заслужили утратить в

огненной буре Мортмейна, но он знает, что Хальсер прав: они в любом случае

обречены.

Инквизиция десятилетия работает над их уничтожением. Возможно, это будет более

подобающий конец: лучше смерть в битве от рук врагов Империи, чем отлучения и

бесчестие от рук темных интриганов. Он оглядывается на сержанта и молчит, не зная, что

сказать. Все варианты выглядят безнадежными. Затем он смотрит в глаза Хальсеру и видит, как неистово они горят. Если у них и есть надежда, решает он, то она здесь -- в ярости сержанта Хальсера.

Котус извлекает странную маленькую книжку и подсоединяет к ней другой кабель. Остальные

терпеливо ждут, пока он молится. Даже Пилкрафт перестает возмущаться.

-- Я вижу еще одну группу башен, -- говорит библиарий хриплым голосом. -- В двух километрах к югу от этой. Они

находятся на месте подземной храмовой
сети, в которой
когда-то размещались разные скриптории,
включая Зевксиса. Если сможем добраться
туда, тогда я думаю, мы найдем человека,
контролирующего Улисс. Что мы тогда
будем делать, я
не могу представить.

Хальсер хватает библиария обеими
руками. -- Верь, Котус. -- Он смотрит на
юг и наблюдает за
вихрями, вьющимися над безжизненной
местностью. -- Обещаю тебе, мы снова
будем
героями.

Глава 8

Инквизитор Мортмейн пробирается через
куски раскаленного металла и тлеющей
плоти. На

месте камеры допросов теперь
почерневшие руины. Взрыв был таким
сильным, что стял

несколько стен, образовав странное
зрелище: балки, двери и свод лежали гру-

на грүде в

сюрреалистической грүде расплавленного
металла и расколотого камня. Мортмейн
торщит

нос от отвращения: воздух насыщен
запахом обуглившейся плоти.

-- О, Пальх, -- шепчет он, опустившись на
колени, чтобы рассмотреть кучку пепла, --

Что ты

натворил?

Из темноты смотрит высокая фигура:
массивный гигант, облаченный в
блестящий голый

керамит. Когда он подходит, свет фонаря
Мортмейна освещает силовой доспех
гиганта,

обнаружив ряды замысловатых букв,
запечатленных на каждом доступном
месте. Его голос

гремит из шлема подобно звуку
вытягиваемого теча: «Он жив?»

Инквизитор поднимает из руин кусок
слопанной цепи и подносит к грүди,
бормоча молитву.

-- Император сохрани нас, юстикар Ликт, он мог выжить. -- Мортмейн смотрит на облаченного

в серебро костогесантника и качает головой. -- Я был глупцом. Цербал должно быть видел, что это произойдет. Чтобы навигатор не использовал, оно разрушило береги и пути, которые

мы использовали, чтобы связать демона. Если он смог проникнуть в другое живое существо, то сейчас свободно ходит по «Домитусу». -- Мортмейн поднялся и обратил полностью

лишившееся цвета лицо к костогесаннику, возвышающемуся над ним. -- Цербал знает все.

Он знает, что Улисс на грани погружения в безумие целого сектора. Если он жив, то попытается остановить Экстерминатус.

Юстикар Ликт не выглядит впечатленным серьезностью в голосе Мортмейна. Блестящие

перчатки спокойно сжимают рукоятку алебарды; если бы не слабый свет,

терцающий на

лезвию оружия, Ликта можно было спутать со статуей.

-- Что вы собираетесь делать, инквизитор? -- спрашивает он таким же звучным тоном.

Мортмейн обхватывает обеими руками свою бритую голову и шепчет очередное ругательство.

-- У меня нет выбора. -- Он смотрит через деформированное смотровое окно на похожую на

призрак планету. -- Я не могу больше ждать. Страшные секреты барона ван Тола подождут.

Сейчас я должен уничтожить Улсс. -- Инквизитор оглядывается на костодесантника и

недоверчиво качает головой. -- Будь все проклято. Если Цербал жив, возможно, я уже опоздал.

Он разорвет «Долитус» на части. -- Мортмейн смотрит на руины коридора за спиной юстикара

Ликта. Свет фонаря показывает другие блестящие, застывшие фигуры. -- Вы должны со своим

отделением сделать все возможное. --

Мортмейн кладет руку на обложку металлической

книги, висящей на кирасе костогесантника. -- Я помолюсь за вас.

-- Если он жив, мы устиму его, инквизитор Мортмейн. -- Ликт кивает и обхватывает руку

инквизитора своей массивной серебристой перчаткой.

Мортмейн качает головой и убирает руку.

-- Нет, вы не сможете, юстикар. Не его. Даже вы не сможете уничтожить ужас, подобный

Цербалу.

-- Тогда о чем вы просите? -- В ответе костогесантника звучит намек на эмоцию: неверие или же уязвленная гордость.

Мортмейн поднимает глаза.

-- Если Цербал на свободе, мы уже мертвы.
Но Улисс все еще должен быть уничтожен.
Слишком многое на кону. -- Он снова
смотрит на планету. -- Вы должны
выиграть для меня
столько времени, сколько сможете.
Найдите Цербала и набросьтесь на него со
всей яростью, на которую способны. Вы не
сможете победить подобное существо, но
все равно должны

попытаться. Если у вас получится
удерживать его достаточно долго, я смогу
начать

бомбардировку Улисса.

-- А что с сержантом Хальсером?

Мортмейн опустил голову. -- Я потолюсь
и за него тоже.

Глава 9

Барон Корнелий ван Тол неуклюже
подходит к двери своей комнаты,
спотыкаясь от страха.

Когда он зовет стражу, его голос
полностью лишен сухого ироничного тона.

-- Что-то приближается, -- кричит он,

когда к нему спешат солдаты в фуражках
и эполетах. --

Инквизитор направил какое-то... -- Он
замолкает и, кажется, не уверен в том,
что говорит.

Барон качает головой. -- Нет, не
Мортмейн, это кто-то другой. Кто-то
хуже. К дверям!

Когда ван Тол выходит, тревожно
вспатриваясь в темноту, вдоль коридора
тянутся ряды
блестящих лазганов.

-- На корабле кто-то есть, -- тихо произнес
он, вытянув позолоченный пистолет и
направив его

на колеблющиеся тени. -- На «Домитус»
проникли.

Появляется капитан, в спешке застегивая
воротник кителя и кланяясь барону. --
Милорд, что
случилось?

Ван Тол оглядывается на него, его глаза
безумны от страха.

-- Тайер. Ты не слышал взрыв?

Аристократичные черты офицера идентичны чертам барона, и когда он видит страх ван Тола, его кожа бледнеет до такого же оттенка серости. Капитан ни разу прежде не видел проявления этой эмоции у барона.

-- Я слышал шум, но посчитал, что это авария двигателя. «Долмитус» стар, как звезды.

Возможно, это был просто...

-- Пальх мертв! -- шепчет барон, схватив офицера за плечо. -- Я чувствую его отсутствие.

-- Мертв? -- У Тайера открывается рот. -- Как? Это инквизитор?

Барон качает головой и оглядывается на темный коридор. Приборы ночного видения на

оружии его людей посылают мерцающие красные лучи по сводчатой кладке, создавая

беспокоящее ощущение движения.

-- Нет. Это не работа Мортмейна. Зачем ему нападать на собственный флагман? --

Он понижает

голос и притягивает к себе племянника. --

Я вижу что-то. -- Барон стучит по
передней части

фуражки. -- Словно империум пришел
следом за нами и проник внутрь. -- Ван
Тол

недоверчиво трясет головой и опускает
глаза. -- Пальх мертв.

-- Барн проник на корабль? -- Капитан
Тайер хмурится. -- Что вы имеете в виду?
Как это могло

случиться? Мы в реальном костосе.

Барон неопределенно кивает и начинает
отвечать, но его слова заглушает вой
лазерного огня.

Два офицера поворачиваются и видят,
что коридор взорвался потрескивающей
энергией. Это

солдаты бешено стреляют в темноту.

Оба подняли пистолеты, и припали к
земле рядом с другими солдатами.

-- В чем дело? -- спрашивает барон
человека рядом, стараясь перекричать

шум. -- Что ты видел?

Явно испуганный солдат качает головой. --
Я ничего не видел, -- признается он, -- но
другие...

-- Не стрелять! -- кричит барон, поняв, что
его люди разбегаются в темноте,
охваченные
паникой.

Выстрелы продолжаются еще несколько
секунд, пока барону не удастся их
перекричать. Затем

один за другим солдаты опускают оружие
и смотрят на него.

-- Милорд, -- кричит человек в первом
ряду. -- Там кто-то есть. Я не смог хорошо
разглядеть, но оно двигалось быстро.

-- А что если это один из наших
собственных часовых? -- спрашивает барон,
поднявшись и

встатриваясь в темноту.

Рот солдата захлопнулся без слов, когда
он не смог придумать подходящий ответ.

-- Может быть, тебе следует пойти и
посмотреть на то, что ты испепелил? --

Голос барона был

резок от горя. -- Если ты так уверен, что
видел кого-то.

Глаза солдата расширились от страха.
Затем он восстановил подобие
самоконтроля и

поднялся на ноги. Поправив фуражку и
решиительно отдав честь, боец отделяется
от

остальных. Он держит лезвие,
наведенным на густые тени и медленно
идет вперед. Остальные

наблюдая в тревожной тишине, как
солдат приближается к покрытой травою
развилке

коридора.

-- Я мог ошибаться, -- говорит солдат,
высатривая коридоры. Он водит стволом
ружья,

высатривая в тенях движение, но ничего
не видит. Облегчение на его лице заметно
даже в

полутраке. Затем солдат прищуривается,
когда замечает более темную тень,

скользнувшую по

полу к нему. Он что-то бормочет, но слишком тихо для остальных.

-- Что это было? -- окликает капитан Тайер, присев рядом со своим дядей, чтобы лучше приглядеться.

-- Ничего, -- отвечает солдат, повысив голос. -- Думаю это просто крыса.

-- Крыса? -- Тайер недоверчиво смотрит на своего дядю.

-- Это не крыса, -- шипит барон, устремив на капитана Тайера дикий взгляд. -- Там кто-то есть.

-- Калёб? -- кричит один из солдат. -- В чем дело?

Барон и капитан оглядываются на коридор и видят, что солдат ведёт себя странно. Его тело охватывает какой-то спазм.

-- Крыса! -- выкрикивает он странным голосом. Слова звучат так, словно отражаются в

огромной пещере и когда он снова кричит,

звук растягивается в долгий, повторяющийся рев.

-- Калёб? -- зовёт грубой голос, но припадок солдата резко усиливается. Его голова ломается из

стороны в сторону, брызжа слюной и проклятиями, а ноги подгибаются под ним.

Несколько солдат начали двигаться к нему, но барон останавливает их резким приказом: --

Стоять! Оставайтесь на месте, чтоб вас!

Желание солдат помочь упавшему товарищу быстро проходит. Пока они в ужасе смотрят, его

тело начинает раздуваться, как полотно на ветру.

-- Я так и знал, -- тихо произнес барон, когда руки и ноги солдата начинают удлиняться, образуя раскачивающееся паучье безумие конечностей, которое мечется по каменному полу и

наполняет воздух ужасающим, влажным звуком.

-- Убейте его, -- шепчет он, но его никто не

слышит.

Извивающаяся масса вываливается из теней, и солдаты в ужасе отшатываются. Сварь, бывшая

Калевол, теперь стала пятиметровым роет дергающихся конечностей, окружившим желтый

яйцеобразный мешок, который колеблется от обратительными, подкожными форматами.

-- Убейте его, -- повторяет барон. Теперь он кричит и прежде чем его люди ответили, начинает

стрелять из лазерного пистолета в кошмарное создание.

Стрельба во второй раз вспыхивает в темноте, когда солдаты дают безнадёжный залп

лазерного огня в приближающегося колосса. Свет ослепляет. Невозможно увидеть что-нибудь

отчетливо, поэтому солдаты стреляют вслепую и вопят, когда осознают весь ужас увиденного.

Обстрел продолжается несколько минут, наконец, барон не дает команду «отбой».

Когда эхо и дым уходят, солдаты всматриваются вдаль и видят, что дальний конец коридора

блокирует громадная фигура.

Кто-то кричит.

Чудовище поглощило каждый выстрел, как желанный питательный деликатес.

Невыразительный мешок, который сойдет за голову, теперь пульсирует внутренним огнем, а

паучьи конечности увеличились в размерах втрое, полностью заполнив коридор.

Несколько солдат снова начинают стрелять. Некоторые упали на колени и сжимают головы, лишившись разума. Остальные разворачиваются и бегут, бросая оружие и спеша мимо барона в темноту.

-- Дядя, -- с трудом выговаривает капитан Тайер, схватив барона за руку. -- Бегите. -- К своему

ужасу он понимает, что лицо дяди стало

взлым, а взгляд остекленел, прикованный к колеблющейся массе, которая протискивается через коридор. Он снова пытается потянуть

барона за убегающими людьми, но ван Тол не двигается. Тайер отводит глаза от приближающейся твари, уверенный, что его разум не выдержит даже мимолетного взгляда на

нее, но чувствует, что она повернулась к его дяде, словно выделив его из толпы перепуганных

солдат. -- Дядя, -- повторяет он дрожащим воплем, едва похожим на речь. Наконец, увидев

краем глаза ползущий к ним лес ног, он отпускает руку барона и удирает следом за

остальными.

Барон не замечает бегства племянника. Он не замечает пробегающие мимо фигуры. Он даже

не воспринимает самого себя. Все, что он видит -- это огромную, бледную,

невыразительную

голову, вырастающую из темноты и
сосредоточенную на нем.

Тварь перемещает последние несколько
метров свою неуклюжую, пульсирующую
массу к

барону, затем протягивает несколько
тройных членистых конечностей. Она
заключает барона

в нежные объятия и осторожно поднимает
с земли к вибрирующей, раздутой голове.
Секунду

держит его всего в нескольких
сантиметрах от мерцающей кожи, затем
проталкивает человека

с тихим всплеском сквозь мембрану и он
исчезает из виду.

Барон тонет в желто-оранжевом море.
Жидкость наполняет уши и заливают
горло, но,

несмотря на абсурдный ужас своего
положения, ван Тол чувствует, как часть
его разута

отступает, невозмутимо отделив себя от

стерпелъной агоніи. Этот осколокъ
сознанія даже не
удивлен, когда слышитъ голосъ въ желтой
жидкости.

-- Баронъ ван Толъ, -- говоритъ голосъ вполне
разумнымъ тономъ.

Баронъ испытываетъ необъяснимый приливъ
гордости отъ того, что убійца знаетъ его
имя.

-- Что находится внизу, баронъ, на Улиссѣ?

Легкіе барона уже наполнились
жидкостью твари, и у него нѣтъ
возможности произнести

ответъ, но когда жизнь покидаетъ его, онъ
отвѣчаетъ своимъ разумомъ, радуясь
возможности

отвѣтить богоподобному существу,
которое перевариваетъ его.

Онъ увѣренъ, что его отвѣтъ станетъ
неожиданностью.

...